

Гу Янь просидел до глубокой ночи, время от времени опрыскивая цветы — свежесрезанные ландыши быстро теряли вид. Уже не такие свежие, как в момент доставки.

Он поставил на всё: Сюй Сяочжэнь смягчится. Прочитает сообщение — и вернётся.

Он уговаривал себя, успокаивал, поднимал себе настроение.

Но когда на востоке небо стало светлеть, и первые белёсые полосы прорезали тьму — он понял: не вернётся. Проиграл.

Тревога, которую он подавлял весь вечер, всплыла обратно, как рыба в пересохшем пруду.

Сюй Сяочжэнь любит его?

Или нет?

Любит. Наверное... но как будто уже не так, как раньше.

Эта мысль — как удар молнии, пронзивший сердце. Вся его сущность содрогнулась.

С тех пор, как появился Шэнь Ле, в мире Сюй Сяочжэня он уже не единственный. Его выходки, капризы — больше не воспринимаются как нечто, что можно терпеть безусловно.

Чем благороднее и самоотверженнее выглядит Шэнь Ле, тем более резким кажется он сам.

Он обессиленно опустился за стол. Жевал на автомате холодную еду, вонзая вилку с такой силой, что та скрипела о тарелку.

Чёрт бы побрал этого Шэнь Ле. Зачем он появился? Зачем влез в их отношения?

И вдруг — озарение. А вдруг... Сюй Сяочжэнь не вернулся, потому что... он с Шэнь Ле?

Эта мысль вспыхнула и обожгла всё внутри.

Он сорвался, метнул приборы в сторону и тут же начал названивать. Мобилизовал все связи. И набрал номер Шэнь Ле.

Незнакомый номер. Шэнь Ле бездумно поднял трубку:

— Не покупаю бады, не беру кредиты, детей репетитору не отдаю, до свидания.

Он чётко услышал, как на том конце задержали дыхание, а затем — рев, будто удар грома в ухо:

— ШЭЭЭЭНЬ ЛЕЕЕЕЕЕ!!!

Шэнь Ле чуть отдёргнул телефон от уха. Ах, значит, Сюй Сяочжэнь не вернулся домой — и вот результат. Срыв. Прекрасно.

И это ещё только первый день.

Когда тот, не сдержавшись, обрушил на него весь поток ярости, Шэнь Ле лениво протянул, голосом, полным насмешки и фальши:

— Ах, это ты... Милый. Звонок среди ночи — как трогательно.

Тон Шэня вывел Гу Яня из себя. Его сорвало. Он выругался грязно, зло, припоминая всё — вплоть до семейного древа. А потом выкрикнул, почти срывая голос:

— Сюй Сяочжэнь у тебя?! Где он?! Верни его, ты, чёртов ублюдок, иначе...

Шэнь Ле усмехнулся. Но теперь голос его стал другим — холодным, хлестким, как бритва:

— Так вот в чём дело. Не справился — и сорвался на мне? Забавно. Может, тебе стоит сначала на себя посмотреть? Сам просрал — сам и расхлёбывай.

Он сделал паузу, а потом продолжил с ядом:

— Ни ума, ни зеркала под рукой? В унитаз загляни — вдруг увидишь, во что превратился. Стареешь, Гу Янь. Как ты собрался соперничать со мной? Я — молодой, живой. А ты? Только злоба и усталость в глазах. При одном твоём взгляде любой сбежит.

И ты ещё удивляешься, почему он не хочет возвращаться?

— У тебя и характер — как наждачка, и руки — не из того места. А в постели ты просто пустое место. В клубе кого угодно вызвать — выгоднее. Мой брат столько лет терпел тебя... удивительно, что не ушёл раньше.

Он сделал голос мягче — почти ласковый шёпот:

— Да, он сейчас рядом. Спит. Не шуми. Он сказал, что я — заботливый, чуткий, милый. Гораздо лучше, чем ты, истеричный клоун.

У Гу Яня вздулись вены на висках. Ревность и гнев рвались наружу, как кипящая кровь — почти без остатка. В голове стучала одна мысль: убить этого подонка.

Но в самый пик ярости вдруг пришла резкая, почти ледяная ясность. Мысль — точная, как скальпель. Он выдохнул, плечи расслабились. Откинулся в кресле, и уголок губ дрогнул.

— Сюй Сяочжэнь у тебя? — его голос звучал спокойно, почти бесстрастно. — Нет. Ты врёшь.

Шэнь Ле чуть приподнял бровь, с интересом.

О? Он, оказывается, умеет думать не только тем, чем обычно.

— Если бы он был рядом, — продолжал Гу Янь, глядя прямо перед собой, — ты бы вёл себя иначе. Осторожнее. Держал бы лицо, берег образ. А сейчас — лишь дешёвые провокации. Не вяжется. Ты играешь на публику. Значит, он не с тобой.

Шэнь Ле открыл рот — то ли для новой насмешки, то ли чтобы парировать. Но Гу Янь не дал ему времени:

— А феромоны на нём — твоих рук дело, да? Жалкий трус. Манипулируешь из-под тишка, играешь по-чёрному. Думаешь, это работает? Думаешь, так можно удержать?

— Придёт день, — спокойно произнёс Гу Янь, — и Сюй Сяочжэнь увидит, кто ты есть на самом деле. Вот тогда и посмотрим, кто кого выставит за дверь.

Он выдержал паузу, затем добавил, почти тихо:

— Пока я жив — ты не поднимешься. Исчезни, жалкий лис.

Он сбросил вызов, словно стряхнул с себя грязь.

Шэнь Ле остался один. Ругался в ярости, срывался на воздух, на стены, на тишину. Не мог переварить поражение.

А Гу Янь, наконец, почувствовал, как возвращается равновесие. Главное — Сюй Сяочжэнь не с ним. Это — единственное, что сейчас имело значение.

Он встал, подошёл к окну. За стеклом — город. Огни домов, как разбросанные звёзды. В каждом окне — чья-то жизнь. Кто-то смеётся. Кто-то спит.

Шэнь Ле.

Единственная помеха между ним и Сюй Сяочжэнем.

Убить его?

Нет. Пока рано. Пока его личина не сброшена, смерть сделает из него мученика. А мучеников запоминают. А их — жалеют.

...

Гу Янь — не человек праздный. У него работа, обязательства, расписание. Перед тем как уйти, он написал Сюй Сяочжэню несколько коротких сообщений. В ответ пришли стикеры — милые, нарочито игривые.

На этом разговор и закончился.

Сюй Сяочжэнь только недавно открыл для себя стикеры. Гу Янь улыбался про себя: значит, тот так флиртует, как умеет. Неловко, по-детски — но трогательно.

А сам Сюй Сяочжэнь думал иначе. Стикеры были удобны: нажал кнопку — и можно ничего не объяснять. Глупо, весело и — что важно — коротко. Он даже специально попросил у Шэнь Ле подборку.

Так и вышло: оба теперь обожали стикеры от Шэнь Ле. Каждый — по-своему.

...

Пока Гу Яня не было, Сюй Сяочжэнь решил зайти в квартиру — забрать вещи. Учебники, одежду... ничего особенного.

Открыв дверь, он сразу уткнулся в букет. Завядшие цветы, крупные, слипшиеся от влаги, обвисли в вазе. Он замер, посмотрел, но не подошёл. Обошёл стороной, будто мимо воспоминания.

Уже у выхода его что-то остановило. Всё-таки жаль — выбрасывать. Он вернулся, выбрал несколько живых веток, поставил их в воду. Остальное — выбросил.

Внутри букета случайно нащупал записку. Бумага отсырела, чернила поплыли, но слова ещё можно было прочесть. Почерк Гу Яня. Строчка короткая, упрямая:

“Больше — никогда.”

Может быть... возможно... это и было извинение. По меркам Гу Яня — точно было.

Сюй Сяочжэнь сохранил записку. Аккуратно вложил между страниц книги, не глядя. И настроение, хоть на миг, стало теплее.

Гу Янь, в целом, был человеком слова. Если пообещал — скорее всего, сделает. Но сейчас Сюй Сяочжэнь не хотел его видеть. Ни слышать, ни встречаться взглядом. Просто — не хотел.

Он когда-то пришёл сюда с одним рюкзаком — и теперь уходил так же. Вещей почти не было.

Гу Янь, конечно, дарил ему дорогую одежду — рубашки, куртки, обувь. Но всё это было сложно стирать, негде хранить, да и смысла не имело. Он оставил всё как есть. Гардеробная по-прежнему была полной.

Поэтому, когда Гу Янь вернулся, он ничего не заподозрил. Квартира выглядела так, будто никто не уходил. Он и не понял: Сюй Сяочжэнь уже всё забрал.

На следующий день:

[Когда у тебя сегодня заканчиваются пары? Заеду за тобой.]

[Не успел доделать домашку. Собачка-катается.jpg]

[Дома допишешь.]

[Групповая работа. Собачка-качает-головой.jpg]

Гу Янь начал сохранять эти стикеры. Один за другим добавлял в библиотеку. Потом, немного помедлив, тоже отправил «катающуюся собачку», а следом — сообщение:

[Вернись. Поужинаем вместе.]

Ответ был лаконичным:

[Собачка-качает-головой.jpg]

Диалог закончился.

Он смотрел на экран, как в зеркало. Ни звука. Только изображение — глупое, милое, нарочито беззаботное. Гу Янь повторял про себя:

Сюй Сяочжэнь любит учиться.

Сюй Сяочжэнь любит учиться.

Сюй Сяочжэнь любит учиться.

Но злость не утихала.

Бета. Прописан в 18-м секторе. И зачем ему эта политика? Зачем — лекции, курсы, бесконечные проекты? Всё равно его откатят. Всё равно посадят в какой-нибудь захолустный отдел, на должность третьего уровня, без доступа к реальным решениям.

Зачем стараться?

Разве не проще — остаться рядом? Радовать. Принадлежать. Тогда — пожалуйста: любая структура 1-го сектора будет к его услугам. Он бы сам всё устроил. Всё открыл.

Иногда он думал: вот бы Сюй Сяочжэнь был омегой. Он бы поставил метку. И всё. Без возврата.

Пусть бы даже тот по-прежнему рвался к своим книгам. Пусть бы даже в сердце у него жил этот чёртов Шэнь Ле. Но с меткой... С меткой он был бы связан. Зависим. Не смог бы уйти. Не смог бы забыть.

Эта мысль не отпускала.

Гу Янь связался с лучшими врачами Имперской клиники. Со специалистами по железам. Спрашивал напрямую:

— Возможно ли восстановить утраченные омежи железы?

Ответ был уклончив, обтекаем — как всегда, когда за словами скрывается «нет».

— Всё зависит от характера повреждения, — говорили они. — Если сохранилась хотя бы часть ткани — возможна регенерация. Если полностью удалена — речь может идти только о пересадке. Или о синтетическом импланте, но это экспериментально.

Гу Янь вспомнил тот шрам. Узкий, грубый, вырезанный будто в спешке. И внутри сжалось.

Когда они только встретились снова, он даже испытал облегчение, узнав, что Сюй Сяочжэнь — бета. Без омежских сложностей. Без риска метирования, без необходимости обсуждать беременность. Захотел — приблизил. Надоел — отпустил. Удобно.

Теперь же... грудная клетка словно гудела от боли.

Как он это потерял?

Попытался стереть метку? Но опытный врач не оставил бы такой рубец.

Или... это был несчастный случай?

Гу Яня накрыло ледяной волной страха. По версии, которую он сам же навязал Сюй Сяочжэню, он страдает от амнезии. Он не должен знать, кем тот был раньше. А Сюй Сяочжэнь никогда не упоминал, что был омегой. Ни словом, ни намёком. Значит, по всем внешним признакам, он — просто бета. Такой, каким стал, каким, как предполагалось, всегда и был.

И тогда как объяснить, почему он вдруг говорит о пересадке железы?

Как объяснить, почему он вообще знает?

А ведь без железы невозможно метить. Без метки — нет связи. Нет прочной привязки, нет гарантии, что рядом не появится кто-то ещё. Чэнь Ле, Чжан Ли — кто угодно. Любой, кто снова будет улыбаться чаще, говорить мягче, слушать внимательнее. И шаг за шагом вытеснит его из сердца Сюй Сяочжэня.

Только если он снова станет омегой, только тогда Гу Янь сможет избавиться от этого навязчивого страха. Только тогда он будет уверен: тот не уйдёт. Не выскользнет. Не исчезнет снова, не оглянувшись.

Он уже собирался позвонить. Продолжить расспросы, выйти на специалистов напрямую, давить связями, проверять все возможные клиники, как вдруг... всплыло уведомление. Новое сообщение. Заявка в друзья.

Аватар — пейзаж: горы, озеро, всё в тёмно-синих, приглушённых тонах. Силуэт юноши, расплывчатый, едва различимый — будто написан пальцем по воде. Но даже если бы он выгорел до серого пепла, даже если бы стерлось лицо, Гу Янь всё равно узнал бы его.

Шэнь Ле.

К заявке прилагался стикер: собачка-катается.jpg, а под ним надпись:

“Сестричка, это А Лэ. Прими, пожалуйста, хорошо? ^_^”

Он уставился в экран. Все мысли — о железе, об угрозе, о хирургии — исчезли в один миг. Осталась только злость. Густая, вязкая, как расплавленный металл. Она заливала всё — горло, грудь, дыхание.

Вот оно как. Вот почему Сюй Сяочжэнь так быстро освоил стикеры. Почему знал, как вставить их в нужный момент, где найти именно ту самую «катающуюся собачку».

Он должен был быть парнем Сюй Сяочжэня. А теперь выглядит как... третий лишний?

Как чёртот любовник на подхвате?

<http://bllate.org/book/14462/1279167>